

13.08.03

Литвинова Рената

МЕНЯ
НАЗЫВАЛИ
ЭСЭСОВКОЙ

Рената Литвинова — стилистический маяк современной столичной жизни. О своем ощущении неуловимой грани между вкусом и безвкусием Рената Литвинова рассказала корреспонденту gzt Лидии Шаминой.

Газета — 2003 — 15 авг. — с. 16 — 19.

Рената Литвинова:

В

Вы — невероятно стильная женщина. Кто формировал ваш вкус? Конечно, моя мама. С самого детства она шила мне платья. Помню, за ночь она могла сшить наряд, и, проснувшись утром, я находила его торжественно выглаженным на спинке стула. Такой мамин подвиг... Мы были крайне стеснены в средствах, но лично я очень поздно вообще стала обращать внимание на одежду и как-то страдать на этот счет. Все эти социальные моменты неравенства, что кто-то одет лучше, а это тогда значило, что в заграничное... Ну, например, на выпускной вечер мама мне перешила старое, еще бабушкино, шифоновое платье, такое прозрачное. И еще — у меня не было туфель. Тогда мы взяли тоже старые мамини туфли, дикой элегантности начала шестидесятых годов на шпильке. Я только срезала длиннющий узкий носок. Отхватила ножницами! Уже тогда я что-то такое наворачивала. Мне не нравились современные платья. В принципе я недалеко ушла от той десятиклассницы, только тогда у меня не было совсем денег, что тоже важно в погоне за красотой. Внешней красотой.

Вы сказали, что были бедны. Как же вам удалось быть модницей? Нехватка средств делает тебе рамки, что тоже иногда полезно. Ну не было у меня денег. Я надевала черный свитер, черную юбку и высокий каблук. Это и сейчас моя любимая одежда. Везде покупаю эти черные свитера и узкие юбки. Волосы, они должны быть чистыми. Еще все эти «самые главные моменты» — сумочки и туфли. Помню, я купила просто кожаную мужскую папку и отрезала от нее какой-то ремень сбоку — получилась такая узкая элегантная сумка. Рустам Хаматов (вот кто настоящий гений стилист помимо того, что он гений художник, и режиссер, и рассказчик и прочее, прочее), глядя на какую-то мою сумочку из змеиной кожи, сказал: «У вас может быть ошибка в лице, но не должно быть ошибки с сумкой». Сумку эту я срочно кому-то подарила. Короче, во ВГИКе я носила такие униформы — то черный свитер, то белую мужскую рубашку с черной юбкой, мне говорили, что за такой стиль меня называют «эсэсовкой». На первом курсе мама мне сшила последнее платье — такое узкое-узкое и обтягивающее, как из фильмов Антониони шестидесятых годов. Тогда я носила челку и подводила глаза стрелкой, от этого они делались еще более татарскими. Мне до сих пор нравится этот образ. Я обязательно его где-то использую в каком-то из своих фильмов. Вообще настоящий великий стиль, он закончился именно в шестидесятые. До этого в моде один великий стиль сменял другой. В семидесятые началось уродство — забавное, талантливое у талантливых, но уже что-то грязное, сверкущее, нестройное, нелепое, впрочем, как и само то время. Сей-

час идут поиски скорее в качестве, в материале, но линии же давно найдены.

А доставать вещи у спекулянтов, например, вам не приходилось? Все эти вещи были такими страшными! Они были неразрывны с «продавщицами», они подходили им, но не мне! Казалось, что они сначала сами это поносили, потом постирали, подшили и пытаются избавиться от этих нарядов. Только один раз я купила сапоги у какой-то женщины возле Большого театра — начиналась зима и мне нечего было носить. Но сапоги сшил какой-то кооператив. Это был 1986 год.

Есть два типа модниц: мало вещей, но стильных. И вещей много — и тоже очень стильных. Вы кто? Сначала у меня было мало вещей. Теперь больше, но все они одни и те же — черные свитера и черные юбки. Туфли я тоже покупаю на высоком каблуке. Я не знаю, что такое «низкий ход». Тем более сейчас, когда я на машине, не, не пешком.

А если бы вам сейчас пришлось остаться без машины — растерялись бы? Надо быть готовым ко всему. Деньги, их присоединение к человеку — почти магическая тема. Я наблюдала, как за короткий период разорялись богатейшие люди, впадали в безумие и неадекватность, казалось бы, умнейшие. Большие деньги чаще заработаны за счет кого-то, за счет чужих страданий, крови... Наверное, это наказуемо. У нас в кино нельзя заработать много. Я имею в виду именно кино как искусство, не рекламу, не клипы, которыми зарабатывают некоторые режиссеры. Если ты занимаешься исключительно художественным кино, то зарабатываешь очень скромно. Было столько всяких историй с этими моими гонорарами за сценарии, столько обманов, в которых были замешаны известные персонажи, просто я поражаюсь, как же сейчас зарабатывают начинающие авторы! Сквозь каких монстров им приходится продираться и не отчаиваться. Безденежье, бедность — реальность, через которую я прошла.

После ВГИКа бедность как-то прошла? Нет, что вы! Она только тогда началась! Когда ты — неизвестная сценаристка... На самом деле я уверена в помощи и внимании к каждому человеку его хранителей, светлых сил. Они пытаются помочь. Меня соединяло с бескорыстными и талантливыми людьми чаще, чем с противоположными. А плохой опыт я воспринимаю тоже как положительный. Если страдания не ломают человека, они делают его только сильнее, качественнее... Но, кстати, многие ломаются. Я вот, например, никогда бы не хотела сниматься как актриса. Даже в страшном

с. 16 Рената Литвинова:

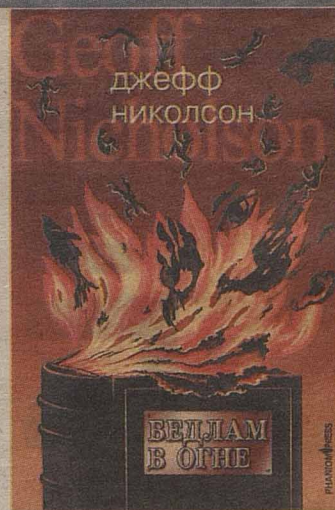
Я надевала черный свитер, черную юбку и высокий каблук. Это и сейчас моя любимая одежда. Везде покупаю эти черные свитера и узкие юбки. Волосы, они должны быть чистыми. Еще все эти «самые главные моменты» — сумочки и туфли.

Фото на обложке: Никита Рыбаков и Елена Кутаева gzt

афиша превью

Французская комедия «Кровавая Мэлори» о лихой красотке. Во главе батальона оригинальных спецназовцев, от трансвестита до заколдованной девочки, она сражается с мутантами, похитившими Папу Римского

с. 25

афиша превью

Герою романа Джеффа Николсона «Бедлам в огне» придется учить умалишенных писательскому ремеслу

с. 26

стиль вещь

Обращайте внимание на стенды «Последняя пара», там можно найти настоящие шедевры

Последние распродажи лета

с. 20

СТИЛЬ интервью

1792

Рената
Литвинова:
Я носила челку
и подводила
глаза стрелкой,
от этого
они делались
еще более
татарскими

Постановка и фотографии: Никита Рыбаков и Елена Китаева

gzi

сне себе не представляла! Я считала себя нефотогеничной, зажатой и вообще... Какая-то определенная известность пришла ко мне сначала как к исполнительнице своих монологов в картине Киры Муратовой «Увлечение». Я поражаюсь, как Кира углядела во мне персонаж! Когда смотрела свои пробы, не узнавала себя — как я прыгнула в тот образ: я ведь сама придумала себе и грим, и платья, и походку, и манеру — вместе с текстами. Откуда из меня неслись такие потоки монологов о смерти и красоте, не могу объяснить, источники — они как будто не во мне. Поэтому-то я считаю, что дар, талант — это не человеческая заслуга. Человек всего лишь проводник.

Многие воспринимают вас как снобку, которой чужд демократизм. Вас это смущает или радует? Я вот что заметила. Зрителям всегда интереснее некая утрированность, завершенность, сделанность образа. Актер, однажды поймав свой абсолют, не должен его менять. Предавать. Наоборот, он должен его углублять и разрабатывать. А когда он меняется, как оборотень, сбрасывает маски, он движется по поверхности. За этим стоит пустота. Ты неуловим в своей неиндивидуальности. Можно ли себе представить, чтобы Жан Габен стал более хлопотливым, пытался быть нервным или каким-то другим? Или Дитрих вдруг забросила бы контроль над сво-

им лицом, разрешила бы снимать его обычным светом — она тут же бы потеряла себя! Когда-то этим верхним светом она поймала за хвост красоту, но если бы на нее выставляли другое освещение — не было бы звезды по имени Марлен. Или Монро, которая вечно искала сложные роли по Достоевскому, но недостижима именно в простодушном образе. Наверное, я более интересна именно в «образе» — конечно, он недемократичен из-за всех этих каблучков, уложенных волос, покрашенных губ. Говорят, это немодно — все эти красные губы и стрелки на глазах! Но ведь и я не модель, не надо это путать. Модель всегда одета как все остальные модели —

всегда в тенденции, даже если ей это не идет. Она может быть изуродована в угоду стилисту и модельеру. Актриса никогда не должна одеваться как модель. Она должна иметь свою отдельную «песню». Пускай лучше ей подражают. Великие киношные образы всегда влияли на мир моды, вдохновляли его, но не наоборот.

Есть такая теория: люди стремятся носить то, что шло им в молодости. Вы за собой такого не замечали? Я имею в виду вашу любовь к высоким каблукам. Вы меня спрашиваете, как будто мне девяносто лет, я прошла свой долгий путь и сижу перед вами забальзамированная с при-

